

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ИНСТИТУТЫ POLITICAL PROCESSES AND INSTITUTIONS

Арктика и Север. 2026. № 62. С. 148–169.

Научная статья

УДК 327(09)(985)(045)

DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.62.148>

«Мурманские инициативы» М.С. Горбачёва и их реализация в Арктическом регионе как элемент политики «нового мышления»

Паникар Марина Михайловна¹, кандидат исторических наук, доцент,
Соколова Флера Харисовна²✉, доктор исторических наук, профессор
Вилькен Виктория Валерьевна³, кандидат экономических наук, доцент

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ул. Союза Печатников, 16, Санкт-Петербург, Россия

² Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, набережная Северной Двины, 17, Архангельск, Россия

³ Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия

¹ mpanikar@hse.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4504-8924>

² f.sokolova@narfu.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3063-6128>

³ vilken_vv@spbstu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4478-2871>

Аннотация. В настоящей статье на базе широкого круга источников, некоторые из которых вводятся в научный оборот впервые, предпринята попытка комплексного анализа реализации «Мурманских инициатив» М.С. Горбачёва, изучения их оценок и влияния на становление нового формата взаимодействия в Арктике в краткосрочном историческом периоде с октября 1987 г., когда они были провозглашены, по 1990 г. Авторы пришли к следующим основным выводам: Арктика была неслучайно выбрана М.С. Горбачёвым как регион — арена для реализации политики «нового мышления». «Мурманские инициативы», став региональным преломлением политики «нового мышления», не были восприняты на Западе однозначно. Линия раздела прошла как по содержанию самих инициатив, так и по благосклонности их восприятия самими странами Арктики. Авторы положительно оценивают развитие той части «Мурманских инициатив», которая представляла «невоенную» её составляющую. Несмотря на традиционно признаваемую провальной частью инициатив, касающихся ограничения вооружений, они всё же сыграли определённую роль в развитии международной обстановки в регионе. Вместе с тем очевидно, что в тот период руководство страны нередко действовало в ущерб национальным интересам, идя на односторонние уступки во имя достижения согласия. Концепция неоклассического реализма, лёгшая в основу данного исследования, объясняет такую линию внешнеполитического поведения СССР комплексным сочетанием ряда факторов: невозможностью проводить прежнюю внешнюю политику государства, которая характеризовалась гонкой вооружений в условиях биполярной системы, внутренним

* © Паникар М.М., Соколова Ф.Х., Вилькен В.В., 2026

Для цитирования: Паникар М.М., Соколова Ф.Х., Вилькен В.В. «Мурманские инициативы» М.С. Горбачёва и их реализация в Арктическом регионе как элемент политики «нового мышления» // Арктика и Север. 2026; 62: 148–169. <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.62.148>

For citation: Panikar M.M., Sokolova F.H., Vilken V.V. “Murmansk Initiatives” by M. Gorbachev and Their Implementation in the Arctic Region as an Element of the “New Thinking” Policy. *Arktika i Sever* [Arctic and North]. 2026; 62: 148–169. <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.62.148>

Статья опубликована в открытом доступе и распространяется на условиях лицензии [CC BY-SA](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

социально-экономическим кризисом в стране, а также личностными особенностями самого М.С. Горбачёва.

Ключевые слова: *внешняя политика СССР, политика «нового мышления», «Мурманские инициативы», Арктический регион, М.С. Горбачёв*

“Murmansk Initiatives” by M. Gorbachev and Their Implementation in the Arctic Region as an Element of the “New Thinking” Policy

Marina M. Panikar¹, Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor

Flera Kh. Sokolova²✉, Dr. Sci. (Hist.), Professor

Viktoriya V. Vilken³, Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor

¹ National Research University “Higher School of Economics” (HSE University), ul. Soyuza Pechatnikov, 16, Saint Petersburg, Russia

² Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Naberezhnaya Severnoy Dviny, 17, Arkhangelsk, Russia

³ Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, ul. Politekhnikeskaya, 29, Saint Petersburg, Russia

¹ mpanikar@hse.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4504-8924>

² f.sokolova@narfu.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3063-6128>

³ vilken_vv@spbstu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4478-2871>

Abstract. This article, based on a wide range of sources, some of which are being introduced into scientific discourse for the first time, attempts to provide a comprehensive analysis of the implementation of Mikhail Gorbachev’s “Murmansk initiatives”, studying their assessments and impact on the formation of a new type of the international cooperation in the Arctic in the short-term historical period from October 1987, when they were proclaimed, to 1990. The authors came to the following conclusions: it was no coincidence that Mikhail Gorbachev chose the Arctic as an arena for the implementation of the “new thinking” policy. The “Murmansk initiatives”, having become a regional reflection of the “new thinking” policy, were not perceived unambiguously in the West. The dividing line was drawn both in terms of the content of the initiatives themselves and the favorable perception of them by the Arctic countries. The authors positively assess the “non-military” component of the “Murmansk initiatives”. Despite the traditionally recognized failure of the component related to arms limitation, they nevertheless played a role in the development of the international relations in the region. At the same time, it is clear that during that period, the country’s leadership often acted to the detriment of national interests, making unilateral concessions in the name of reaching an agreement. The concept of neoclassical realism, which forms the basis of this study, explains this line of foreign policy behavior by the USSR as a complex combination of a number of factors: the inability to pursue the state’s previous foreign policy, which was characterized by an arms race in a bipolar world, the internal socio-economic crisis in the country, as well as the personal characteristics of Mikhail Gorbachev himself.

Keywords: *foreign policy of the USSR, new thinking policy, Murmansk initiatives, Arctic region, M.S. Gorbachev*

Введение

Внешняя политика позднего СССР конца 1980-х гг. вызывает исследовательский интерес в силу своих последствий для всего человечества, регионов мира, а также нашей страны. Крушение биполярной системы, развал мировой системы социализма, а в последующем и самого СССР обусловили принципиально новую геополитическую ситуацию в мире. В какой мере эти процессы имели объективные основания, каковы их последствия — предмет острых дискуссий в общественно-политическом и научном дискурсах. Региональным проявлением концепции «нового мышления» во внешней политике М.С.

Горбачёва во второй половине 1980-х гг. в Арктическом регионе являлись «Мурманские инициативы». Существует мнение, что Арктика была неслучайно выбрана советским руководством для реализации данных инициатив: необходимость снижения степени милитаризации региона в совокупности с актуализацией в общемировом масштабе климатической и природоохранной повестки стала одной из специфических черт реализации внешней политики позднего СССР в Арктике. В этой связи авторам представляется значимым изучить реализацию «Мурманских инициатив» и их влияние на развитие международных процессов в регионе.

Степень изученности рассматриваемой темы может быть представлена как минимум двумя пластами исследовательской литературы. Первый, и достаточно обширный, содержит оценку политики «нового мышления» М.С. Горбачёва, второй — конкретного её проявления в Арктике — «Мурманских инициатив». В основу систематизации исследовательской литературы по данной теме можно заложить оценку данных внешнеполитических феноменов СССР авторами, которые представляют полярные точки зрения. Так, зачастую позитивно оценивается политика «нового мышления» деятелями, которые в тот период времени находились у власти, а также иностранными исследователями [1, Адамишин А.Л.; 2, Brown A.; 3]¹. Заметную роль в разработке темы «нового мышления» играют работы российского исследователя Плынова М.Ф., который считает, что положительным результатом политики нового мышления стало прекращение Холодной войны, однако произошло это из-за отказа СССР продолжать борьбу за сферы влияния в мире [4; 5; 6; 7; Плынов М.Ф.]. Причины этого отказа подробно исследуются как самим Плыновым, так и другими отечественными авторами [8; 9, Барсенков А.С.]. Так, в подавляющем большинстве современные российские авторы, оценивая политику «нового мышления», исходят из реалистичных представлений о том, что СССР более не имел возможности проводить внешнюю политику, характерную для сверхдержавы, и искал пути выхода из нарастающей конфронтации.

Второй пласт исследований посвящён непосредственно изучению и оценке «Мурманских инициатив». Необходимо оговориться, что в основном они упоминаются в более широком контексте, как отправная точка формирования международных отношений нового типа в Арктике. В ряде исследований зарубежных авторов анализируется реакция стран Арктики на них, оценка инициатив с точки зрения их значимости и реализуемости. В целом авторы позитивно оценивают данный внешнеполитический шаг советского руководства, однако отмечают, что реализация инициатив, связанных с аспектами военной безопасности, едва ли была осуществима в текущих геополитических условиях [10, Purver R.G.; 11, Åtland K.; 12, Janes R.W.]. Российские исследователи также дают сдержанную оценку

¹ Эпоха Горбачёва — глазами современников. К 100-летию со дня рождения академика Г.А. Арбатова // Горбачёв-Фонд. URL: https://web.archive.org/web/20231023184610/https://www.gorby.ru/presscenter/news/show_30397/ (дата обращения: 24.06.2025).

«Мурманским инициативам», отмечая противоречия среди политических элит [13, Фокин Ю.Е., Смирнов А.И.; 14, Штоль М.В.]. Вместе с тем в научных исследованиях не в полной мере представлены сюжеты, связанные с местом и ролью Арктики в становлении концепции «нового мышления» М.С. Горбачёва, а также её последствиями для развития международных процессов в регионе, что актуализирует настоящее исследование.

Целью статьи является анализ реализации и влияния «Мурманских инициатив» М.С. Горбачёва на становление нового формата взаимодействия в Арктике. Нижняя хронологическая рамка исследования определена октябром 1987 г., когда «Мурманские инициативы» были сформулированы М.С. Горбачёвым. В статье изучаются события до 1990 г. Авторам было важно проанализировать первичный эффект данного внешнеполитического шага советской дипломатии, реакцию на него международного сообщества и первые шаги по его реализации.

Теоретическая база исследования представлена концепцией неоклассического реализма, которая исходит из предположения о том, что внешнеполитическое поведение каждого государства определяется в первую очередь его мощью и положением в международной системе, в частности, относительной долей его материальных возможностей [15, Ripsman N.M., Taliaferro J.W., Lobell S.E.; 16, Rose G.]. Как отмечает В.Н. Конышев, влияние международной системы на государство осуществляется «не прямо, а опосредованно, через комплексное взаимодействие международной структуры с многообразными внутренними атрибутами государства» [17, с. 105]. К последним можно отнести политическую и экономическую ситуацию в стране, а также личностные особенности политического лидера. В работе были использованы общенаучные и исторические методы исследования, которые позволили провести реконструкцию происходивших событий, а также на основе критического анализа сделать ключевые выводы и обобщения.

Источниковая база исследования представлена тремя группами документов. Первую составляют неопубликованные источники, вводимые в научный оборот впервые. Среди них материалы Архива внешней политики РФ (далее — АВП РФ), среди которых центральное место для данного исследования занимают документы фонда 116 — «Референтура по Норвегии» (далее — Ф. 116). Фонд содержит аналитические материалы сотрудников МИД СССР, детально описывающие реакцию и последующие действия зарубежных стран в ответ на «мурманские инициативы». Интересно отметить, что материалы включают изучение инициатив как странами Западной и Северной Европы, так и государствами Организации Варшавского договора. Вторая группа источников представлена материалами средств массовой информации, в частности газеты «Правда» за 1987–1988 гг., а также видеоматериалами Российской центральной киновидеостудии хроникально-документальных и учебных фильмов, в которых отражены официальные визиты высокопоставленных лиц СССР в страны Скандинавии. Значимым при разработке темы

исследования стал анализ двусторонних договоров, заключённых между СССР и странами Северной Европы, которые составили третью группу источников.

Политика «нового мышления»: истоки становления

Исследователи, задающиеся вопросом о причинах смены внешнеполитического курса СССР в 1980-х гг., ключевым фактором справедливо считают невозможность продолжения соперничества с США за глобальное доминирование. Это проявилось в многолетней гонке вооружений, которая имела следствием непропорциональное развитие экономики страны: в 1980-е гг. свыше 60% продукции машиностроения составляли товары военного назначения [5, с. 52]. Более того, программа стратегической оборонной инициативы, реализуемая США с 1983 г., ставила СССР в условия невозможности продолжения паритетного военного противостояния. Министр иностранных дел СССР Э.А. Шеварднадзе вспоминал, что после оценки перспективы создания этой системы «мы с Горбачёвым окончательно определились: надо любой ценой искать общий язык с американцами» [5, с. 38]. Помимо этого, СССР был втянут в борьбу за политическое влияние в странах «третьего мира», оказывал им экономическую поддержку: так, к 1 ноября 1989 г. сумма задолженности развивающихся стран перед СССР составляла 420,4 трлн рублей [5, с. 52]. По сути, правила Холодной войны вынуждали СССР находиться в условиях постоянного давления внешних факторов, которые государство выдерживало до тех пор, пока имело достаточные ресурсы для реализации адекватной внешней политики. Зачастую такая логика взаимодействия на международной арене не соответствовала национальным интересам СССР, подрывала его потенциал. Политика администрации Р. Рейгана, нацеленная на усугубление внутренних проблем СССР, ставила перед собой конкретную цель — добиться фундаментальных изменений политической системы своего противника. Так, в секретной директиве Департамента обороны США «Отношения США с СССР» от 17 января 1983 г. указывалось, что одной из задач США является «способствование процессу изменения СССР в плюралистическую экономическую и политическую систему, в которой власть привилегированных элит значительно снижена»².

Важно отметить, что представители советской школы внешнеполитического мышления не были едины в своих взглядах на развитие внешней политики государства. Как отмечает А.П. Цыганков, выделялись три основные идейные группы: прозападники, делавшие упор на демократическую консолидацию с Западом и политику разрядки; более националистическая группа в советском истеблишменте — государственники, выступавшие за ограниченные реформы и реализацию концепции «соотношения сил» между социализмом и капитализмом, а также ярые сторонники продолжения идеологической

² NSD Directive Number 75, US Relations with the USSR. Department of Defense. URL: <https://archive.org/details/NSDDirectiveNumber75USRelationswiththeUSSR/page/n7/mode/2up> (дата обращения: 20.05.2025).

борьбы, не верившие в возможность разрядки и сближения с агрессивным «империалистическим» Западом [18, с. 34–35].

Сами положения концепции «нового мышления» не были новы, они озвучивались различными государственными и общественными деятелями с 1960-х гг. При М.С. Горбачёве они проявлялись в различных форматах: на встрече с президентом США Р. Рейганом в ноябре 1985 г. в Женеве, на заседании Политбюро ЦК КПСС 23 января 1986 г., на котором обсуждался вопрос о проекте доклада Генерального секретаря XXVII съезду, а также на самом съезде в феврале 1986 г. [6, с. 85].

Концепция «нового мышления» определяется как социально-философская, мировоззренческая теория, в основе которой лежало представление о глобальном и принципиально неделимом мире, который, как утверждал М.С. Горбачёв, находился под угрозой уничтожения. Согласно официальной доктрине, «новое мышление сложилось не сразу, но оно выросло не на пустом месте... Сердцевиной нового мышления стал тезис о приоритете общечеловеческих интересов и ценностей во всё более целостном, взаимозависимом мире. Новое мышление не отрицает национальных, классовых, корпоративных и иных интересов. Но оно выдвигает на первый план интересы сохранения человечества, спасения его от угрозы ядерной войны и экологической катастрофы»³. По мнению авторов статьи, сложно оценить реальные причины интеграции такого мировоззренческого подхода во внешнюю политику позднего СССР, однако авторы полагают, что в данном случае имело место комплексное сочетание факторов: внутреннего экономического кризиса в стране, невозможности проведения прежней внешней политики, а также роли личности самого М.С. Горбачёва. Определение общей угрозы — глобальных проблем — для бывших геополитических противников, по его мнению, должно было снизить уровень напряжённости в отношениях и изменить подходы к взаимному восприятию. Таким образом, советский лидер фактически предлагал взять за основу внешней политики неолиберальный подход.

Смена руководителя внешнеполитического ведомства СССР (новым министром иностранных дел в июле 1985 года был назначен Э.А. Шеварднадзе, сменив занимавшего этот пост более 30 лет А.А. Громыко), перестройка структуры МИД и создание в 1986 г. Управления по проблемам ограничения вооружений и разоружения, а также мощная аналитическая поддержка идей «нового мышления» ведущими академическими структурами и научными кругами страны — всё это свидетельствовало о начале форсированной подготовки по реализации политики «мирного наступления» с целью создания нового привлекательного имиджа СССР и его внешней политики.

13 марта 1985 г. в Кремле состоялись краткие встречи М.С. Горбачёва с главами делегаций США, Великобритании, Франции, ФРГ, Японии, Китая, на которых советский

³ Понять перестройку, отстоять новое мышление. М.С. Горбачёв // Россия в глобальной политике. 09.08.2021. URL: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/perestroika-and-new-thinking/> (дата обращения: 24.06.2025).

руководитель неоднократно подчёркивал необходимость возобновления диалога и преодоления напряжённости в международных отношениях. Он заявлял, что СССР намерен проводить ответственную и конструктивную внешнюю политику, учитывающую интересы каждого государства, и не будет стремиться к военному превосходству [8, с. 43]. В целом это была попытка преодоления сложившихся стереотипов Холодной войны и одновременно тенденция к переосмыслению её концептуальной и идеологической основы, а также стремление выстроить отношения с Западом на принципах равноправного партнёрства во имя достижения общих целей. Таким образом, политика «нового мышления» — принципиально новый подход к внешнеполитическому курсу страны — создала фундамент для реализации региональных инициатив, которые на фоне и в совокупности со стержневой идеей разоружения должны были трансформировать как сущность самой внешней политики государства, так и его внешнеполитический образ.

«Мурманские инициативы» и их влияние на международные процессы в Арктике

Арктика, по сути, явилась первым регионом, где концепция «нового мышления» получила практическое воплощение. Исследователь Р.Г. Первер отмечает, что подобные предложения советского лидера по обеспечению региональной безопасности в районах, граничащих с СССР, можно рассматривать как отличительную черту политики «нового мышления» [10, с. 147]. Действительно, выступлению в Мурманске предшествовало аналогичное выступление во Владивостоке 28 июля 1986 г., затрагивавшее вопросы безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе; в марте 1988 г. М.С. Горбачёв посетил Белград, где на встрече с делегатами Скупщины Социалистической Федеративной Республики Югославия он выдвинул инициативы по обеспечению безопасности в регионе Средиземноморья [19, Гуськова Е.Ю.]. Эти три внешнеполитические инициативы обладают элементами сходства, делая акцент на мерах по контролю над военно-морскими вооружениями — проблематике, приобретающей всё более существенное значение в советской дипломатии рассматриваемого периода.

В ходе официального визита в крупнейший город Заполярья в период с 1 по 3 октября 1987 г. генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачёв вручил городу Мурманску орден Ленина и медаль «Золотая Звезда». В своей торжественной речи, посвящённой внутренним социально-экономическим преобразованиям, он уделил особое внимание международной обстановке, а также обрисовал своё видение Арктики через «идею общечеловеческого сотрудничества»⁴.

Говоря об Арктике не только как о «кухне погоды», влияющей на климат всей планеты, но и как о регионе геополитического противостояния, М.С. Горбачёв отметил, что «на подводных и надводных кораблях сосредоточен гигантский потенциал ядерного

⁴ Речь на торжественном собрании, посвящённом вручению Мурманску ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». 1.10.1987 года. URL: <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000235/st050.shtml> (дата обращения: 18.05.2025).

разрушения, который действует на политический климат всего мира»⁵. В своей речи советский лидер фактически пригласил государства Арктики «к обсуждению давно назревших здесь вопросов безопасности ... путём и двустороннего, и многостороннего сотрудничества» [20, Паникар М.М., с. 19]. Его предложения сводились к идее формирования безъядерной зоны в Северной Европе, ограничению военно-морской активности в прилегающих к Северной Европе морям, а также открытию Северного морского пути для иностранных судов при «нашем обеспечении ледокольной проводкой»⁶. Отдельное внимание советский лидер обратил и на необходимость объединения усилий стран в вопросе охраны окружающей среды, а также развития международного сотрудничества в сфере научного изучения Арктики, предложив создать совместный арктический научный совет и провести в 1988 г. конференцию приарктических государств по координации научных исследований в регионе⁷. Анализ «мурманской речи» М.С. Горбачёва позволяет определить ту роль, которую СССР желал играть в Северной Европе. Основываясь на концепции «общеевропейского дома», заключавшейся в признании единства Европы, несмотря на разные социально-политические системы стран и принадлежность к различным военно-политическим блокам, советский лидер, намеренно подчёркивая заслуги североевропейских политических лидеров, акцентировал внимание на общности интересов СССР и стран Северной Европы, противопоставляя их «леденящему дыханию “полярной стратегии” Пентагона»⁸.

Перед оценкой международной реакции на «Мурманские инициативы» важно отметить, что они получили и внутривнутриполитический резонанс. По итогам поездки М.С. Горбачёва в Мурманск 10 марта 1988 г. было принято развёрнутое постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 338 «О мерах по ускорению экономического и социального развития Мурманской области в 1988–1990 годах и на период до 2005 г.»⁹. Исследователь Штоль М.В., ссылаясь на исторические документы, отмечает, что ряд вопросов, поднятых в рамках «Мурманских инициатив», вызвал обеспокоенность и даже критику среди чиновников советских ведомств различного уровня. Так, Госкомиссия по делам Арктики при Совете Министров СССР озаботилась последним пунктом этих инициатив, касающихся статуса Северного морского пути (СМП), который по-прежнему рассматривался как национальная транспортная артерия. Комиссия поручила Минюсту «разработать предложения по защите интересов СССР» в случае открытия СМП для прохода иностранных судов. В Министерстве юстиции СССР также отмечали, что ряд стран обладает ледокольным флотом, использование ими СМП может пошатнуть позиции СССР и способствовать

⁵ Речь на торжественном собрании, посвящённом вручению Мурманску ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». 1.10.1987 года. URL: <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000235/st050.shtml> (дата обращения: 18.05.2025).

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Известия, 11.03.1988 г.

пересмотру принадлежности данной транспортной артерии [14, с. 191]. В качестве реакции на сложившуюся ситуацию Верховным Советом СССР были разработаны и приняты ряд нормативно-правовых документов, которые регламентировали использование СМП и фактически устанавливали над ним контроль, используя природоохранную проблематику, возможно, во многом и как повод для усиления позиций СССР¹⁰. Эти примеры наглядно показывают, что не все советские чиновники разделяли внешнеполитические установки нового Генерального секретаря КПСС, многие из них справедливо были обеспокоены защитой национальных интересов страны и сохранением её обороноспособности.

Анализ «Мурманских инициатив» зарубежными исследователями также представляется авторам заслуживающим отдельного внимания. Так, Р.Г. Первер делает акцент на том, что СССР стремился к расширению сотрудничества в области научных исследований и добычи полезных ископаемых на Крайнем Севере, чтобы «получить доступ к западным технологиям, ноу-хау и капиталу». [10, с. 147]. Он также чётко разделяет инициативы на «невоенные» и «военные», справедливо указывая на последние как на едва ли реализуемые и даже провальные. [10, с. 149] К. Отланд, рассуждая в рамках теории секьюритизации, полагает, что акцент, сделанный Горбачёвым на обеспечении безопасности в невоенном (социальном, экономическом, экологическом) секторе, был важным средством, с помощью которого можно было добиться обеспечения безопасности в военной сфере [11, с. 290]. Относительно оценки данных внешнеполитических инициатив с позиции неоклассического реализма: авторы считают, что, с одной стороны, СССР экономически было всё сложнее поддерживать обеспечение «жёсткой» безопасности, с другой — возможности сотрудничества и совместного со странами региона высокотехнологичного освоения Арктики представлялись перспективными. Начало международного диалога в невоенных сферах — экологической, экономической, научно-исследовательской — могло способствовать формированию доверия для решения более сложных проблем безопасности в регионе.

По мнению авторов, правомерно утверждение Р. Джейнса о том, что взаимозависимость и традиционная стабильность Северной Европы сделали её «отличной ареной для советской внешней политики “нового мышления”» [12, с. 163]. Во-первых, экологическая повестка и проблематика защиты окружающей среды Арктики были в духе ключевого посыла самой внешнеполитической концепции М.С. Горбачёва, нацеленной на приоритет общечеловеческих ценностей в целях гармонизации международных отношений. Во-вторых, указанные направления взаимодействия, в отличие от проблематики разоружения в регионе, были наиболее «подходящими» для начала международного сотрудничества. С одной стороны, они не требовали серьёзных финансовых затрат, с другой — были комфортными с точки зрения необходимости преодоления внешнеполитических

¹⁰ Например: Постановление Совета Министров от 1 июня 1990 года N 565 «О мерах по обеспечению выполнения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1984 года «Об усилении охраны природы в районах Крайнего Севера и морских районах, прилегающих к северному побережью СССР». URL: <https://docs.cntd.ru/document/901807366> (дата обращения: 19.05.2025).

стереотипов Холодной войны. Это может объясняться тем, что проблематика исследований и защиты окружающей среды в Арктике в основном разрабатывалась представителями научного сообщества, которые были действительно заинтересованы в объединении общих усилий для достижения научных результатов и не руководствовались в своих действиях политическими мотивами.

Исследователи справедливо полагают, что компоненты «Мурманской инициативы», касающиеся контроля над вооружениями, находят своё объяснение как прямой ответ на ряд конкретных угроз и возможностей в сфере обеспечения безопасности [10; 12]. Они были напрямую обозначены в речи советского лидера, в которой он упомянул факты постановки на боевое дежурство новой радиолокационной станции в Гренландии в нарушение Договора об ограничении систем противоракетной обороны 1972 г., разработки правительством Канады программы наращивания военных сил в Арктике и общий рост «военной активности США и НАТО в районах, непосредственно примыкающих к советскому Заполярью»¹¹. Это также во многом было связано с провозглашением в 1987 г. Морской стратегии ВМС США (Forward Maritime Strategy of the U.S. Navy) и ростом численности операций американских подводных лодок в Арктике. В Советском Союзе в качестве угрозы в Арктике также рассматривалось наращивание инфраструктуры НАТО на Северном фланге, в частности, размещение тяжёлого вооружения Альянса в Норвегии, а также активизация учений надводных кораблей НАТО в Норвежском и Балтийском морях¹². Однако, возможно, непосредственным толчком к провозглашению «Мурманских инициатив» стал планирующийся к подписанию Договор о ликвидации ракет меньшей и средней дальности. С одной стороны, его реализация могла привести к тому, что НАТО компенсировало бы потерю обозначенных в договоре ракет за счёт увеличения количества крылатых ракет воздушного и морского базирования большой дальности с ядерными боеголовками в северных водах и над ними. С другой стороны, СССР мог надеяться на восстановление безъядерной зоны в Арктике в случае тотального демонтажа всех ракет. В целом вопросы безопасности и демилитаризации Арктики были ключевыми для формирования диалога на новом уровне, однако «Мурманские инициативы» не стали надёжным фундаментом их решения. Более того, многие односторонние инициативы Москвы в области сокращения вооружений зачастую неоднозначно воспринимались даже на Западе и рассматривались как признак слабости СССР.

Необходимо отметить, что международным сообществом «Мурманские инициативы» в целом были восприняты положительно. В газете «Правда» через несколько дней после

¹¹ Речь на торжественном собрании, посвящённом вручению Мурманску ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». 1.10.1987 года. URL: <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000235/st050.shtml> (дата обращения: 18.05.2025).

¹² O'Donnell H.K. Northern Flank Maritime Offensive / US Naval Institute, September 1985, Vol. 111/9/991. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.cb834a67-67b10250-993d0e36-74722d776562/https/www.usni.org/magazines/proceedings/1985/september/northern-flank-maritime-offensive (дата обращения: 15.05.2025).

«мурманской речи» М.С. Горбачёва появился обзор реакции на это событие представителей ряда северных стран. Так, например, премьер-министр Норвегии Г.Х. Брунтланн отметила, что «в мурманской речи подняты важные и сложные вопросы, которые следует изучить внимательно... Мы рассматриваем предложения М.С. Горбачёва как новое свидетельство растущего советского стремления к взаимообязывающему международному сотрудничеству, включая такой район и такие сферы, которые затрагивают чувствительные национальные интересы»¹³. Схожие заявления были сделаны и представителями других стран Северной Европы: министром иностранных дел Швеции С. Андерссоном, председателем Компартии Финляндии А. Аалто, министром иностранных дел Дании У. Эллеманн-Йенсен и др.¹⁴ Изложенные М.С. Горбачёвым в Мурманске предложения вызвали в Вашингтоне неоднозначную реакцию. США заняли выжидательную позицию, сославшись на то, что ещё не получили полного текста выступления, «а потому предпочитают воздержаться от детальных комментариев»¹⁵. Вместе с тем представитель Белого дома Ф. Оукли добавила: «Мы, однако, отмечаем, что Советский Союз давно стремится ограничить западную свободу навигации в международных воздушном и морском пространствах в таких стратегически важных регионах, как Балтийское, Северное, Норвежское и Гренландское моря»¹⁶. Из этого заявления авторами обзора был сделан вывод о том, что администрация Д. Рейгана пока не готова к дискуссиям по поднятым Горбачёвым вопросам¹⁷.

Подводя итог реакции западных стран на «Мурманские инициативы», можно сделать вывод о том, что положительную оценку получила возможность реализации сотрудничества в невоенных сферах, чего нельзя отметить в отношении инициатив, касающихся создания безъядерной зоны и разоружения в Арктике. По этому вопросу страны условно разделились на три группы: Финляндия и Швеция, не будучи членами НАТО, с наибольшим энтузиазмом восприняли эти идеи; страны Северной Европы и Канада — члены НАТО — были более сдержанными и осторожными в оценке, тогда как США фактически отвергли предложенные инициативы [10]. Несмотря на то, что страны Северной Европы во второй половине 1980-х гг. стали обсуждать этот вопрос на постоянной основе, было очевидно, что создание зоны, свободной от ядерного оружия в Северной Европе (Nordic Nuclear-Weapon-Free Zone), не может рассматриваться как изолированный процесс, а должно восприниматься как часть переговоров в области разоружения. Дальнейшее развитие событий, безусловно, зависело от отношений между великими державами в целом [21, Broms B.]. По мнению американских аналитиков того периода, реализация концепции безъядерной зоны на Севере Европы была обречена на провал вне зависимости от того, насколько к этому стремилась Москва. США выступали против самой идеи, реализация которой не отвечала национальным интересам

¹³ Правда, 1987. № 277. С. 4.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

стран Запада [22, Lumsden С.А.]. Вместе с тем сам процесс обсуждения мог быть полезен и содействовать повышению осведомлённости и снижению напряжённости, а следовательно, и потенциальной возможности развязывания ядерной войны в регионе. Можно предположить, что СССР во многом использовал данные дебаты как инструмент политической разрядки.

Значимым событием в развитии «Мурманских инициатив» стал официальный визит председателя Совета Министров СССР Н.И. Рыжкова в Швецию и Норвегию в январе 1988 г. В ходе торжественного обеда, устроенного в здании Министерства иностранных дел Швеции, Рыжков ещё раз подтвердил, что «"Мурманские инициативы" открывают огромные возможности. Они указывают путь к успешному развитию взаимовыгодных отношений»¹⁸.

В рамках данного визита в честь главы правительства СССР от имени правительства Норвегии 15 января был дан торжественный обед, на котором, выступая перед собравшимися, Н.И. Рыжков озвучил детальные инициативы в развитие мурманской речи М.С. Горбачёва. В частности, северным странам предлагалось направить наблюдателей на одно из учений советских ВМФ в 1988 г., а также провести консультации военных экспертов НАТО и ОВД. Последние могли бы быть нацелены на выработку решений по ограничению количества крупных военно-морских и военно-воздушных учений до одного в два года; созданию в Северной и Западной Атлантике соответственно для СССР и США согласованных районов, в которых должны быть запрещены действия противолодочных сил и средств военно-политических союзов; отказу от проведения военно-морских учений в районах основных океанских и морских торговых путей Северной Атлантики; недопущению сосредоточения группировок военно-морских сил в международных проливах и на подходах к ним, а также определению предельных параметров этих группировок по количеству, классам кораблей и другим характеристикам; включению в зоны ограничения балтийских проливов (Большой и Малый Бельты, Зунд, Скагеррак), проливы Датский и Ла-Манш, район Исландия — Фарерские острова — Скандинавия¹⁹. Представитель советского Генерального штаба генерал-майор Ю.В. Лебедев на страницах газеты «Московские новости» публично выразил одобрение «Мурманских инициатив» со стороны военных кругов СССР, дополнив их инициативами по «совместному обсуждению со странами Северной Европы возможных региональных мер доверия на более низком уровне, что было предусмотрено решениями Стокгольмской конференции», а также «подписанию на двусторонней или многосторонней основе соглашений о предотвращении инцидентов на море и в воздушном пространстве над ним, которые могли бы распространиться на всю Северную Европу» [10, с. 152].

В сообщении заместителя МИД СССР И. Абоимова заместителю председателя Государственного комитета при Совете Министров СССР по делам Арктики тов. Д.К. Зотову о

¹⁸ Северу Европы — сотрудничество и безопасность (1988). Фильм № 9510. 2 части. URL: <https://www.net-film.ru/film-9510/> (дата обращения: 19.05.2025).

¹⁹ Правда, 1988. № 16. С. 4.

ходе выполнения директивных указаний по реализации «Мурманских инициатив» указывалось на подключение к решению этого вопроса социалистических стран. Э.А. Шеварднадзе на софийском совещании министров иностранных дел Организации Варшавского договора (далее ОВД) 18 декабря 1988 г. проинформировал о целях усилий на северном направлении. В ОВД была создана специальная группа по военным аспектам мурманской программы. На первой встрече экспертов, состоявшейся в Москве, была озвучена идея создания «балтийского ядра», в рамках которого польская сторона начала активно продвигать план налаживания субрегионального сотрудничества в невоенных областях²⁰. В рамках инициатив стран ОВД были отмечены усилия ГДР, проявившей интерес к разоруженческой теме на Балтике, и предложения Болгарии о подписании меморандума стран-участниц ОВД и государств НАТО по фланговым вопросам, включая Север²¹.

В сообщении отмечалось, что основным препятствием для реализации ограничений в военно-морской деятельности на Севере является приверженность стран Норвегии, Дании и Исландии ценностям НАТО, «выжидающий» подход Швеции и Финляндии, а также необходимость учитывать позиции всех сторон²². Вместе с этим ряд государств региона занялись изучением возможности снижения военно-политической напряженности в регионе Северной Европы на экспертном уровне, создав специальные группы. Так, например, норвежские эксперты пришли к выводу, что «принятие мер укрепления доверия в морских пространствах у Севера Европы целесообразно и желательно»²³. В марте 1989 г. военный комитет норвежского парламента посетил Кольский полуостров, после чего началась проработка вопроса о заключении соглашения по предотвращению инцидентов на море и в воздушном пространстве над ним. Финляндия предложила внести в Комиссию ООН по разоружению предложения по мерам доверия на морях. В апреле 1989 г. в Королевском институте международных отношений в Лондоне состоялся неофициальный обмен мнениями по «мурманской тематике», в результате которого британские эксперты сошлись во мнении о необходимости создания механизмов двусторонних и многосторонних консультаций дипломатических и военных экспертов в целях проработки методики и форм будущих переговоров по военно-морским вопросам²⁴.

Предложение Исландии, выступившей за проведение международной конференции по подготовке переговоров о сокращении военно-морских сил в Северной Скандинавии, не получило поддержки партнёров Исландии по НАТО и, в первую очередь, США: от них не удалось добиться подвижек в отношении военно-политической части мурманской программы, их мнение по-прежнему оставалось негативным²⁵.

²⁰ АВП РФ. Ф. 116.Оп. 73, Д. 10, П. 117. Л. 38-39.

²¹ Там же. Л. 39.

²² Там же.

²³ Там же. Л. 40.

²⁴ Там же. Л. 40-41.

²⁵ АВП РФ. Ф. 116.Оп. 73, Д. 10, П. 117. Л. 42.

Взаимодействие по линии Верховного Совета и парламентов стран Арктики по вопросам обеспечения военной безопасности и разоружения в регионе также не было успешным. Так, например, комитеты по иностранным делам парламентов Швеции, Дании и Норвегии отклонили советское приглашение приехать в Москву в 1988 г. на том основании, что участие в переговорах по вопросам внешней политики не входит в их конституционные полномочия. Представители стран Арктики также отклонили приглашение советских властей и не направили своих военных наблюдателей на военные учения в северо-восточной части Балтийского моря, проходившие в период с 6 по 8 сентября 1988 г. [10, с. 153].

Вместе с тем при отсутствии прогресса в части «Мурманских инициатив», касающихся контроля над вооружениями и сокращения военно-морских сил, в остальных сферах взаимодействия был налажен достаточно продуктивный диалог. В первую очередь он активизировался на парламентском уровне. 1988 г. был насыщен событиями подобного плана: в апреле в Хельсинки состоялся советско-финский межпарламентский семинар по вопросам реализации мурманской программы, а также поездка депутатов Верховного Совета по скандинавским странам. В октябре в Москве была принята делегация комитета парламентариев Северной Европы по изучению предпосылок создания региональной безъядерной зоны (комитет Йоргенсена), в ходе встречи с членами которой прорабатывался вопрос об установлении контактов между Верховным Советом СССР и Северным Советом²⁶.

Было положено начало советско-финскому «Кольскому проекту», нацеленному на модернизацию действующего добывающего производства, наладку утилизации вторичных отходов и создание новых производств для разработки сырьевых ресурсов на Кольском полуострове²⁷. В сфере экологического сотрудничества Финляндия предложила созвать конференцию приарктических государств по вопросу охраны окружающей среды Арктики, которая положила начало «процессу Рованиеми». Расширились контакты между коренными народами Севера и Ассоциацией инуитов Северного полярного круга. Научное международное сотрудничество получило своё развитие через создание первой негосударственной международной организации в Арктике — Международного арктического научного комитета (далее МАНК).

В ноябре 1989 г. состоялся официальный визит премьер-министра Канады Б. Малруни в СССР. Несмотря на широкую программу визита, некоторые пункты повестки касались исключительно Арктики. Значимость этого направления в отношениях двух стран подчёркивалась посещением канадским премьер-министром Института Арктики и Антарктики в Ленинграде 24 ноября. Б. Малруни обозначил заинтересованность Канады в двустороннем сотрудничестве с СССР в регионе, в первую очередь — в области охраны

²⁶ АВП РФ. Ф. 116.Оп. 73, Д. 10, П. 117. Л. 37-38.

²⁷ Протокол между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Финляндской Республики о сотрудничестве на Кольском полуострове. 26.10.1989. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/57999/ (дата обращения: 20.05.2025).

окружающей среды и изменения климата. Было подписано новое соглашение о сотрудничестве в Арктике²⁸.

В качестве одного из инструментов во внешней политике СССР для инициирования международного диалога в Северной Европе стал вопрос о разграничении морских пространств СССР и стран Арктики, не находивший своего решения в период Холодной войны. В первую очередь это касалось разграничений в Балтийском море со Швецией, в Баренцевом море с Норвегией, в Беринговом и Чукотском морях с США, а также деятельности СССР на Шпицбергене.

Первые шаги в разрешении проблемы разграничения морских пространств были сделаны уже в январе 1988 г. в ходе ранее упомянутого визита Н.И. Рыжкова в Швецию и Норвегию. В ходе этого визита было подписано Соглашение о принципах разграничения морских пространств и зон в Балтийском море между Королевством Швеция и СССР, согласно которому спорная территория между Швецией и Советским Союзом должна была быть распределена таким образом, чтобы 75% общей площади принадлежало Швеции, а 25% — Советскому Союзу²⁹. Оценивая подписание договора, премьер-министр Швеции И. Карлссон назвал его «детисцем перестройки»³⁰. Несомненно, такие шаги советской дипломатии свидетельствовали о политике уступок в попытке наладить межгосударственный диалог.

В апреле этого же года в Москве было подписано еще одно соглашение со шведской стороной, касающееся разграничения континентального шельфа и рыболовной зоны Швеции и советской экономической зоны в Балтийском море³¹. Этим Соглашением была установлена линия, разграничивающая морские пространства Швеции и СССР в районе острова Готланд, которые после распада СССР перешли Эстонии, Латвии, Литве и Калининградской области Российской Федерации. В развитие данной инициативы 30 июня 1989 г. было подписано трёхстороннее Соглашение между правительствами Королевства Швеция, Польской Народной Республики и СССР об общей точке разграничения их морских границ в Балтийском море³².

«Нестандартная попытка», как оценивает её А.К. Криворотов, «разрубить гордиев узел территориальной проблемы» [23, с. 70] была предпринята советской стороной и в Нор-

²⁸ USSR-Canada official visit of Prime Minister Mulroney. November 1989 // CANADA DECLASSIFIED, File № 20-CDA-9-PM-EUR. MF-7866. URL: <https://declassified.library.utoronto.ca/exhibits/show/mulroney-in-moscow--kyiv--and-/mulroney-in-moscow--kyiv-and-l> (дата обращения: 20.05.2025).

²⁹ Agreement on Principles for the Delimitation of the Sea Areas in the Baltic Sea between the Kingdom of Sweden and the Union of Soviet Socialist Republics, 13 January 1988. URL: <https://faolex.fao.org/docs/pdf/bi-5121.pdf> (дата обращения: 20.05.2025).

³⁰ Северу Европы — сотрудничество и безопасность (1988) Фильм № 9510. URL: <https://www.net-film.ru/film-9510/> (дата обращения: 19.05.2025).

³¹ Agreement on the delimitation of the continental shelf and of the Swedish fishery zone and the Soviet economic zone in the Baltic Sea (with nautical charts and protocol). Signed at Moscow on 18 April 1988. URL: <https://www.marinerregions.org/documents/volume-1557-l-27075-English.pdf> (дата обращения: 20.05.2025).

³² Agreement between the Government of the Kingdom of Sweden, the Government of the Polish People's Republic and the Government of the USSR concerning the Common Delimitation Point of their Maritime Boundaries in the Baltic Sea, 30 June 1989. URL: <https://www.un.org/Depts/los/LEGISLATIONANDTREATIES/PDFFILES/TREATIES/SWE-POL-RUS1989MB.PDF> (дата обращения: 20.05.2025).

вегии, которую в продолжение турне по Скандинавии посетил Н.И. Рыжков в период с 14 по 16 января 1988 г. Проблема разграничения исключительной экономической зоны и континентального шельфа в Баренцевом море обсуждалась сторонами с 1970 г. Рыжков, уклоняясь от прямых действий по разграничению, предложил создать в южной части Баренцева моря «особую зону советско-норвежского партнёрства», шельф которой изучало и разрабатывало бы совместное предприятие двух стран на паритетных началах. Однако эта инициатива была отвергнута норвежской стороной из-за «искренней боязни совместных с СССР механизмов управления» [23, с. 70]. По сведениям А.К. Криворотова, в конце 1988 г. последовала очередная советская инициатива, когда неназванный высокопоставленный советский дипломат прибыл в Осло и сообщил о готовности СССР отдать Норвегии самый северный участок спорного района, составлявший 5% его общей площади [23, с. 71]. Этими действиями СССР продемонстрировал готовность к уступкам, отойдя от принципа разделения морских пространств по секторальной линии. Позднее, в ходе длительных консультаций, к 1991 г. стороны пришли к соглашению по поводу северной части «серой зоны», и неразграниченным остался только южный её участок [24, Зарецкая О.В., с. 93].

Ещё одним примером реализации политики разграничения морских пространств в Арктике стал вопрос разграничения в Беринговом и Чукотском морях, а также в Северном Ледовитом и Тихом океанах между СССР и США. Этому вопросу в рассматриваемый период была посвящена встреча МИД СССР в лице Э.А. Шеварднадзе и госсекретаря США Дж. Шульца в сентябре 1988 г., на которой обсуждалась выработка общих подходов к урегулированию данной проблемы³³. Подписание соглашения между СССР и США о линии разграничения морских пространств 1 июня 1990 г. стало предметом противоречивых оценок как со стороны советских политиков, так и исследователей, включая специалистов по международному праву. Так, А.Н. Вылегжанин отмечает, что согласие СССР и США разграничивать морские пространства по линии русско-американской конвенции 1867 г. соответствовало общему международному праву, однако оно было экономически выгоднее для США, чем для СССР³⁴. В препроводительном письме Дж. Буша американскому сенату на ратификацию данного соглашения 26 сентября 1990 г. президент США отмечал, что «соглашение полностью отвечает интересам Соединённых Штатов»³⁵. Более того, его «временное применение» с 15 июня 1990 г. до ратификации обеими сторонами также вызывало множество вопросов. Как отмечает В.К. Зиланов (в 1988 г. — заместитель министра рыбного хозяйства СССР), «руководство США уверено было, что Горбачёв — Шеварднадзе, а затем уже и Ельцин продавят неспра-

³³ АВП РФ. Ф. 116.Оп. 73, Д. 10, П. 117. Л. 46.

³⁴ Вылегжанин А.Н. Соглашение между СССР и США о линии разграничения морских пространств 1990 года: разные оценки «временного применения». Экспертное мнение. URL: https://mgimo.ru/about/news/experts/124210/?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 17.05.2025).

³⁵ Message from the President of the United States transmitting the Agreement between the United States of America and the Union of Soviet Socialist Republic on the maritime boundary, with annex, signed at Washington, June 1, 1990. URL: <https://marineregions.org/documents/125431.pdf> (дата обращения: 20.05.2025).

ведливое Соглашение ... через высшие органы страны — Федеральное Собрание и ратифицируют его» [25]. Однако этого не произошло: депутаты Верховного Совета СССР, а позднее и депутаты РСФСР не смогли прийти к единому мнению и ратифицировать данное соглашение.

Следует отметить, что данное Соглашение не соответствовало интересам СССР. Вместе с тем в контексте комплексного рассмотрения формирования внешнеполитического курса в Арктике в рассматриваемый период стремление урегулировать все вышеупомянутые споры о разграничении морских пространств в Арктике в первую очередь выступало средством в достижении целей политики «нового мышления», хотя и шло вразрез с национальными интересами страны. Необходимо отметить, что все эти споры имели длительную историю своего урегулирования, зачастую насчитывающую не одно десятилетие. С одной стороны, разграничение, несомненно, имело позитивный эффект и способствовало росту стабильности в регионе. Так, например, заключение традиционно негативно оцениваемого соглашения Бейкера-Шеварднадзе предотвратило промысел третьих стран и в целом способствовало упорядочиванию промысла в данном районе. С другой стороны, практически все эти соглашения вели к территориальным уступкам и были экономически невыгодными для СССР, учитывая перспективность переданных районов с точки зрения рыбного промысла и добычи углеводородов. В этом смысле можно предположить, что заключение данных соглашений в большей мере могло иметь символическое значение — демонстрацию решимости СССР наладить отношения с Западом всеми доступными способами. Сюда же можно отнести и беспрецедентные разоруженческие инициативы М.С. Горбачёва. Как справедливо отмечает М.Ф. Полюнов, «политика прекращения гонки вооружений для СССР становилась жизненно необходимой ... для реализации концепции ускорения социально-экономического развития страны» [26, с. 15].

Заключение

Подводя итоги, следует отметить, что политика «нового мышления» во внешнеполитическом курсе СССР 1987–1990 гг. по сути являлась попыткой преодоления острого геополитического противостояния двух сверхдержав. Она была обусловлена как объективными (внешними и внутренними), так и субъективными (личностными) факторами. Среди них: неспособность СССР в силу ограниченности ресурсов противостоять мощному военнотехническому, политическому, экономическому и идеологическому натиску США; недостаточность средств для поддержки своих сфер влияния в мире; актуализация международным сообществом глобальных проблем человечества, разрешение которых возможно общими усилиями; нарастание кризисных явлений в экономике и социальной сфере страны; идейная дифференциация социально-политических элит, среди которых наряду с традиционалистами с марксистско-ленинскими взглядами, представителями умеренных взглядов, понимавших необходимость преобразований, выделялись группы, ориентированные на либераль-

ные западноевропейские ценности; личностные мировоззренческие предпочтения политического лидера страны, ориентированного на неолиберальные подходы в реализации внешней политики.

По мнению авторов, Северная Европа была неслучайно выбрана М.С. Горбачёвым как регион — арена для реализации политики «нового мышления». Географическая близость стран, высокая геостратегическая значимость региона, статус стран Скандинавского полуострова (малые страны, нейтральный статус Швеции и Финляндии), наличие общей экологической повестки, требовавшей совместных усилий, выработка концептуальных положений формирующегося советского образа Европы в рамках концепции «общеевропейского дома» — все эти факторы сделали регион Северной Европы оптимальным для демонстрации внешнеполитических намерений СССР во второй половине 1980-х гг.

«Мурманские инициативы», став региональным преломлением политики «нового мышления», не были восприняты на Западе однозначно. Линия раздела прошла как по содержанию самих инициатив (инициативы «военного» и «невоенного» характера), так и по благосклонности их восприятия самими странами Арктики, что в основном определялось их вовлечённостью в блоковую систему биполярного мира.

Авторы положительно оценивают развитие той части «Мурманских инициатив», которые представляли «невоенную» её составляющую. Архивные материалы свидетельствуют об успешной реализации совместной деятельности в области охраны окружающей среды и научных исследований, получившей своё институциональное оформление и поддержку на самом высоком уровне. Чуть более сдержанно, очевидно, в силу сложной социально-экономической обстановки в СССР, проходил процесс международного экономического партнёрства. Однако у стран здесь имелся взаимный интерес: СССР был заинтересован в передовых технологиях северных стран, тогда как последние — в возможности извлечения прибыли из совместных энергетических проектов, реализуемых на арктических территориях СССР. Помимо фактического эффекта от реализации данных инициатив они имели значительный «психологический» эффект — сотрудничество в «невоенных» сферах могло способствовать формированию атмосферы доверия, закладывающей предпосылки для решения более сложных военно-политических вопросов. Несомненно, в «невоенных» областях между СССР и странами Скандинавии и Финляндии связи существовали и ранее, даже в разгар Холодной войны, однако новый многосторонний уровень взаимодействия был возможен только в результате парадигмального изменения внешней политики СССР. В качестве серьёзности своих внешнеполитических намерений СССР использовал также и инструмент политики разграничения морских пространств со странами Арктики. Очевидно, по мнению советского политического руководства, зачастую не отвечающие интересам СССР соглашения, например, со Швецией и США, должны были продемонстрировать добрые намерения во внешней политике СССР.

Несмотря на традиционно признаваемую провальной часть инициатив, касающихся ограничения вооружений, снижения военно-морской активности, а также создания безъядерной зоны в Северной Европе, они всё же сыграли определённую роль в развитии международной обстановки в регионе. В ходе своего визита в Финляндию в октябре 1989 г. М.С. Горбачёв, оценивая промежуточные результаты по реализации «Мурманских инициатив», преподнёс подписание Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности как достижение, влиявшее на формирование стабильности и доверия в регионе (тактическое ядерное оружие более не могло достигнуть территории североевропейских стран). В этот же ряд вставало и заявление о ликвидации ядерного оружия морского базирования на Балтике, а также сокращение в одностороннем порядке общей численности войск в европейской части СССР [14, с. 11]. Не лишено основания и мнение о том, что разоруженческая риторика советского руководства могла быть использована в том числе и как инструмент политической разрядки.

Таким образом, региональное измерение новой внешнеполитической линии СССР в Арктическом регионе получило своё оформление в конкретных программных решениях только осенью 1987 г. Из шести «мурманских инициатив» М.С. Горбачёва две предполагали развитие сотрудничества государств региона в области научного изучения Арктики и охраны окружающей среды. В сравнении с другими инициативами, касающимися сложных процессов изменения архитектуры безопасности в Арктике, эти две отражали уже фактически начавшийся процесс формирования механизма многостороннего научного сотрудничества в Арктическом регионе, обозначившегося в 1986 г. через подготовительный этап создания МАНК. Именно в этот период начинает формироваться многоуровневое пространство международного взаимодействия, получившее продолжение в подписании Стратегии охраны окружающей среды Арктики (1991 г.), создании Совета БЕАР (1993 г.) и, наконец, Арктического Совета (1996 г.) — ведущего межправительственного форума в регионе. Всё это способствовало широкому развитию международного сотрудничества в Арктике, куда были вовлечены не только государства, но и субнациональные регионы, а также негосударственные акторы международных отношений. Арктика на протяжении практически трёх десятилетий ассоциировалась в общественно-политическом сознании с территорией диалога и сотрудничества. Вместе с тем очевидно, что в эти годы руководство страны нередко действовало в ущерб своим национальным интересам, идя на односторонние уступки во имя достижения согласия. Вера в то, что западные страны искренне стремятся к созданию подлинно демократического российского государства и не преследуют своих национальных интересов, не позволила своевременно разглядеть первые признаки иного отношения к России, что чётко выразилось в нежелании западных стран совместно решать проблемы обеспечения военной безопасности в регионе. Акценты в международном сотрудничестве на проблемах экологии, культуры, демократизации России и её регионов свидетельствовали о запущенных механизмах «мягкого воздействия» на Россию, что стало очевидным лишь спустя десятилетия.

Список источников

1. Адамишин А.Л. Эти лучшие три года // Прорыв к свободе: о перестройке двадцать лет спустя (критический анализ). Москва: Альпина Бизнес Букс; 2005: 213–227.
2. Brown A. Gorbachev and the End of the Cold War // Ending the Cold War. New Visions in Security / Ed. by R.K. Herrmann, R.N. Lebow. New York: Palgrave Macmillan; 2004: 31–57. https://doi.org/10.1057/9781403982810_2
3. New Thinking in Soviet Politics / Ed. by A. Brown. New York: St. Martin's Press; 1992. 115 p.
4. Польшов М.Ф. Советско-американские отношения во внешней политике М.С. Горбачёва. 1985–1988 гг. // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2013; 14: 307–326.
5. Польшов М.Ф. Предпосылки перестройки в СССР (1985–1991 гг.): внешний фактор // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2006; 2: 50–61.
6. Польшов М.Ф. Новое политическое мышление»: возникновение и основные идеи // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2012; 1: 84–89.
7. Польшов М.Ф. Внешняя политика Горбачёва. 1985–1991 гг. Санкт-Петербург: Алетейя; 2015. 502 с.
8. Барсенков А.С. «Новое мышление» во внешней политике СССР (1985–1991) // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2012; 1: 41–73.
9. Барсенков А.С. Политика «нового мышления» и окончание холодной войны (1985–1990) // Российская история. 2015; 6: 135–157.
10. Purver R.G. Arctic Security: The Murmansk Initiative and its Impact // Soviet Foreign Policy / Ed. by C.G. Jacobsen. London: Palgrave Macmillan; 1989: 182–203. https://doi.org/10.1007/978-1-349-11341-5_11
11. Åtland K. Mikhail Gorbachev, the Murmansk Initiative, and the Desecuritization of Interstate Relations in the Arctic // Cooperation and Conflict. 2008; 43 (3): 289–311.
12. Janes R.W. The Soviet Union and Northern Europe: New Thinking and Old Security Constraints // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1990; 512: 163–72.
13. Фокин Ю.Е., Смирнов А.И. Киркенесская Декларация о сотрудничестве в Баренцевом/Евроарктическом регионе: взгляд из России 20 лет спустя. Москва: ВНИИГеосистем; 2012. 88 с.
14. Штоль М.В. «Мурманские инициативы» во внешней политике как элемент развития системы международных отношений // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2024; 4 (42): 188–200.
15. Ripsman N.M., Taliaferro J.W., Lobell S.E. Neoclassical Realist Theory of International Politics. New York: Oxford University Press; 2016. 196 p.
16. Rose G. Neoclassical Realism and Theories of Foreign Policy // World Politics. 1998; 51: 144–172.
17. Конышев В.Н. Неоклассический реализм в теории международных отношений // Полис. Политические исследования. 2020; 4: 94–111. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.04.07>
18. Tsygankov A.P. Russia's foreign policy: change and continuity in national identity. Lanham: Rowman & Littlefield; 2016. 305 с.
19. Гуськова Е.Ю. Сербия ждала поддержки. Визит М.С. Горбачёва в Югославию в марте 1988 года // Новая и новейшая история. 2019; 5: 128–144. <https://doi.org/10.31857/S013038640006348-0>
20. Паникар М.М. Процессы трансформации международного Арктического региона: новые геополитические контуры // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2023; 23 (6): 17–26. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V310>
21. Broms B. Proposals to Establish a Nordic Nuclear-Weapon-Free Zone // Michigan Journal of International Law. 1989; 10 (2): 345–361.
22. Lumsden C.A. The Soviet Nordic Nuclear Weapon Free Zone proposal. Monterey, California: Naval Postgraduate School; 1990. 132 p.

23. Криворотов А.К. Неравный раздел пополам: к подписанию российско-норвежского договора о разграничении в Арктике // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2011; 2: 62–91.
24. Зарецкая О.В. Трансформация Советско-норвежских отношений и отражение образа Норвегии в советской прессе в 1980-е годы (по материалам газеты «Правда») // Скандинавские чтения 2014 года: этнографические и культурно-исторические аспекты. Санкт-Петербург; 2016: 86–99.
25. Зиланов В.К. Россия теряет Арктику? Москва: Алгоритм; 2013. 430 с.
26. Полынов М.Ф. Отношения с США во внешней политике М.С. Горбачева в годы Перестройки. 1985–1991 гг. // Общество. Среда. Развитие. 2016; 2 (39): 14–21.

References

1. Adamishin A.L. These Best Three Years. In: *Breakthrough to Freedom: About Perestroika Twenty Years Later (Critical Analysis)*. Moscow, Alpina Business Books Publ.; 2005: 213–227.
2. Brown A. Gorbachev and the End of the Cold War. In: *Ending the Cold War. New Visions in Security*. New York, Palgrave Macmillan; 2004: 31–57. https://doi.org/10.1057/9781403982810_2
3. Brown A., ed. *New Thinking in Soviet Politics*. New York, St. Martin's Press; 1992. 115 p.
4. Polynov M.F. Soviet Union–United States Relations in the Foreign Policy of Mikhail Gorbachev. 1985–1981. *Trudy Istoricheskogo Fakulteta Sankt-Peterburgskogo Universiteta*. 2013; 14: 307–326.
5. Polinov M.F. Precondition of Rebuilding in the USSR (1861-1991): External Factor. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 2006; 2: 50–61.
6. Polynov M.F. “New Political Thinking”: Origin and Main Ideas. *Terra Humana*. 2012; 1: 84–89.
7. Polynov M.F. *Gorbachev's Foreign Policy. 1985–1991*. Saint-Petersburg, Aleteyya Publ.; 2015. 502 p. (In Russ.)
8. Barsenkov A.S. “New Thinking” in Soviet Foreign Policy (1985–1991). *Lomonosov World Politics Journal*. 2012; 1: 41–73.
9. Barsenkov A.S. “The New Thinking” and the End of the Cold War (1985-1990). *Russian History*. 2015; 6: 135–157.
10. Purver R.G. Arctic Security: The Murmansk Initiative and Its Impact. In: *Soviet Foreign Policy*. London, Palgrave Macmillan; 1989: 182–203. https://doi.org/10.1007/978-1-349-11341-5_11
11. Åtland K. Mikhail Gorbachev, the Murmansk Initiative, and the Desecuritization of Interstate: Relations in the Arctic. *Cooperation and Conflict*. 2008; 43 (3): 289–311.
12. Janes R.W. The Soviet Union and Northern Europe: New Thinking and Old Security Constraints. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1990; 512: 163–72.
13. Fokin Yu.E., Smirnov A.I. *Kirkenes Declaration on Cooperation in the Barents Euro-Arctic Region: A View from Russia 20 Years Later*. Moscow, VNIIGeosistem Publ.; 2012. 88 p. (In Russ.)
14. Shtol M.V. “Murmansk Initiatives” in Foreign Policy as an Element of the Development of the System of International Relations. *The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia. Russia and the World*. 2024; 4 (42): 188–200.
15. Ripsman N.M., Taliaferro J.W., Lobell S.E. *Neoclassical Realist Theory of International Politics*. New York, Oxford University Press; 2016. 196 p.
16. Rose G. Neoclassical Realism and Theories of Foreign Policy. *World Politics*. 1998; 51: 144–172.
17. Konyshov V.N. Neoclassical Realism in the Theory of International Relations. *Polis. Political Studies*. 2020; 4: 94–111. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.04.07>
18. Tsygankov A.P. *Russia's Foreign Policy: Change and Continuity in National Identity*. Lanham, Rowman & Littlefield; 2016. 305 p.
19. Guskova E.Yu. Serbia Waited Support. M.S. Gorbachev's Visit to Yugoslavia in 1988. *Modern and Contemporary History*. 2019; 5: 128–144. <https://doi.org/10.31857/S013038640006348-0>
20. Panikar M.M. The Processes of Transformation of the International Arctic Region: New Geopolitical Contours. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanitarian and Social Sciences*. 2023; 23 (6): 17–26. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V310>
21. Broms B. Proposals to Establish a Nordic Nuclear-Weapon-Free Zone. *Michigan Journal of International Law*. 1989; 10 (2): 345–361.

22. Lumsden C.A. *The Soviet Nordic Nuclear Weapon Free Zone Proposal*. Monterey, California, Naval Postgraduate School; 1990. 132 p.
23. Krivorotov A.K. Partition into Unequal Halves: On the Signing of the Russian-Norwegian Treaty on Maritime Delimitation in the Arctic. *Lomonosov World Politics Journal*. 2011; 2: 62–91.
24. Zaretskaya O.V. Transformation of Soviet-Norwegian Relations and Reflection of Norway's Image in the Soviet Press in the 1980s (Based on Materials from the Newspaper Pravda). In: *Scandinavian Readings 2014: Ethnographic and Cultural-Historical Aspects*. Saint Petersburg; 2016: 86–99.
25. Zilanov V.K. *Is Russia losing the Arctic?* Moscow, Algoritm Publ.; 2013. 430 p. (In Russ.)
26. Polynov M.F. Relations with the United States in the Foreign Policy of Mikhail Gorbachev during the Perestroika. 1985-1991. *Terra Humana*. 2016; 2 (39): 14–21.

*Статья поступила в редакцию 30.06.2025; одобрена после рецензирования 11.07.2025;
принята к публикации 15.07.2025*

*Вклад авторов: Паникар М.М. – основное содержание статьи;
Соколова Ф.Х. — работа с источниковой базой исследования, введение,
концептуальное обоснование, оформление рукописи и научного аппарата*

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов